

УДК 1:11/12

ТЕОРИЯ ДЕЙСТВИЯ КАК ПАРАДИГМА ОСМЫСЛЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Тахтамышев В.Г., Харламова Г.С.

*ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный университет путей сообщения»,
Ростов-на-Дону, e-mail: harlamova.alina@mail.ru*

В статье рассмотрено становление теории действия, подчеркивается ее генетическая связь с теорией деятельности. Показаны этапы развития теории деятельности, связанные с исследованиями Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева. Рассмотрены элементы структуры деятельности, основным из которых является действие, а также специфика деятельности как системы, взаимообусловленность ее элементов. Показано, что системный анализ деятельности, предложенный А.Н. Леонтьевым, позволяет преодолеть противопоставление физиологического, психологического и социального в понимании человека. Проведен анализ взглядов Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина, обобщивших практику эстетической деятельности. Обосновывается понимание действия как целостной единицы деятельности – носителя символических значений, содействующего установлению связи с другими людьми. Подчеркивается вклад в теорию действия С.Л. Рубинштейна, усматривавшего в действии способ преодоления разрыва человека с миром. Сделан вывод о методологических функциях теории действия, способствующей осмыслению условий возможности становления человека как целостного существа в мире наличной культуры.

Ключевые слова: деятельность, действие, системный анализ, становление целостного человека

THEORY OF ACTION AS PARADIGM JUDGMENTS OF INTEGRITY OF THE PERSON

Takhtamyshev V.G., Kharlamova G.S.

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, e-mail: harlamova.alina@mail.ru

In article formation of the theory of action, its genetic linkage with the theory of activity is considered. The stages of development of the theory of activity connected with L.S. Vygotsky, A.N. Leontyev's creativity are shown. Elements of structure of activity are considered, action is basic of which. Specifics of activity as a system, interconditionality of its elements are shown. Withdrawal at least of one of elements leads to destruction of system. It is shown that the system analysis of activity offered by A.N. Leontyev allows to overcome opposition physiological, psychological and social. The analysis of views of G.G. Shpet, M.M. Bakhtin who generalized esthetic practice that allowed them to characterize action as activity unit is carried out. Being integrity, action is comprehended as the carrier of symbols, signs by means of which establishment of communication with other people is possible. The contribution to the theory of action of S.L. Rubinshtejn seeing in operation a way of overcoming of a break-up of the person with the world is emphasized. The conclusion is drawn on the theory of action as the methodological principle promoting judgment of conditions of possibility of formation of the person as a complete being, understanding of specifics of its stay in culture.

Keywords: activity, action, system analysis, formation of the complete person

Культура второй половины XX в. характеризуется ускорением процессов глобализации, изменением социально-пространственных отношений, проникновением в повседневный опыт новых форм организации жизни, усиливающих социальную непредсказуемость и фрагментацию социальных связей. Динамика современного общества, противоречия в практической жизни потребовали для изучения социальных интеракций привлечения исследовательских парадигм, позволяющих адекватно описывать, диагностировать переживаемые человеком изменения, просчитывать связанные с ними риски [12]. Сложившаяся ситуация актуализировала исследовательские подходы, полагающие в основание категорию человеческого действия. В центр внимания социологов попадают и собственно человеческое действие, и «момент пере-

сечения субъективности, общества и пространства» [4]. В рамках утверждающейся парадигмы действия, как отмечают социологи, получают значение практические схемы, представляющие собой «смысловой комплекс знаний и умений», обеспечивающий ориентацию человека в конкретных условиях. Надежность подобных практических схем обусловлена их преимущественно дорефлексивным характером, укорененностью «...в опыте тела, его диспозициях и привычках» [13, 193]. Методологические подходы, выработанные в социологии, не противоречат концептуальным положениям известных отечественных философов и психологов, репрезентирующим сущностные характеристики действия. Статья направлена на изучение генезиса парадигмы действия, выявление причин перехода в исследовательской практике от теории

деятельности к парадигме действия, обоснование необходимости использования ее методологического ресурса для понимания специфики пребывания человека в культуре.

Становление парадигмы действия генетически связано с теорией деятельности. В истории социально-гуманитарного познания понятие деятельности играло и играет двойную роль: во-первых, мировоззренческого, объяснительного принципа, во-вторых, методологического основания ряда социальных наук, где деятельность человека становится предметом изучения. В качестве мировоззренческого принципа понятие «деятельность» утвердилось уже в немецкой классической философии, когда в европейской культуре восторжествовала новая концепция личности, характеризуемой рациональностью, многообразными направлениями активности и инициативы, и были созданы предпосылки для рассмотрения деятельности как основания и принципа всей культуры [9]. Продуктивными для исследовательской практики стали идеи Маркса, изложенные в «Тезисах о Фейербахе» (1845) и «Экономическо-философских рукописях» (1844). Понятие деятельности в этих работах способствовало объяснению места человека в мире, природы сознания и личности. В XX в. наибольший вклад в разработку этой идеи в отечественной социально-гуманитарной науке внес Э.В. Ильенков [7]. В отличие от картезианской и эмпиристской концепций Э.В. Ильенков рассматривал деятельность в качестве предпосылки самой возможности разума. Активное взаимодействие человека с реальностью приводит к преобразованию им природы. В результате мир, открывающийся человеку в восприятии, предстает как пространство значений, смыслов, ценностей. Будучи созданным человеком, оно превращается в фактор его последующей деятельности, способствует развитию мышления, обеспечивающему ориентацию в этом пространстве. Эта способность, не являясь врожденной, развивается посредством образования, т.е. окультуривания в ходе присвоения человеком подлинно человеческих форм деятельности, поскольку становление человека как социального существа, способного руководствоваться разумом, обусловлено присвоением достижений культуры [14].

Развитие теории деятельности в отечественной науке шло по пути критики бихевиористской модели S-R (стимул – реакция), осмысления роли опосредствующих деятельность факторов (Л.С. Выготский), впоследствии – через осознание необходимости структурирования деятельности (А.Н. Леонтьев). В реальной жизни, от-

мечает А.Н. Леонтьев, человек имеет дело с особыми деятельностями, каждая из которых соответствует определенной потребности субъекта: «...главное, что отличает одну деятельность от другой, состоит в различии их предметов. Ведь именно предмет деятельности и придает ей определенную направленность» [8, 80]. Поэтому первое, что, согласно А.Н. Леонтьеву, следует выделить в качестве элемента деятельности – это мотив. Основными же «составляющими» отдельных человеческих деятельностей являются осуществляющие их действия. Действием А.Н. Леонтьев называет процесс, подчиненный сознательной цели. Если понятие мотива соотносится с понятием деятельности, то понятие цели соотносится с понятием действия [8, 81]. Возникновение в деятельности целенаправленных процессов-действий исторически явилось следствием перехода к жизни человека в обществе, совместному труду, техническому разделению труда, требующему выделения промежуточных результатов. Промежуточный результат, которому подчиняются трудовые процессы человека, является в форме представления, фиксирующего цель, – того, что определяет способ и характер действий человека. Выделение целей и формирование подчиненных им действий означает проявление ранее недифференцированных в мотиве функций. Функция побуждения полностью сохраняется за мотивом. Функция же направления, по сути, и есть действие, осуществляющее деятельность, побуждаемое ее мотивом, но уже направленное на цель. Здесь А. Леонтьев решает важную задачу – не просто выявить структуру деятельности, но и обосновать взаимообусловленность всех ее элементов, доказать, что от внутренних отношений структурных компонентов деятельности зависит ее содержание, основным из которых является действие. Он указывает: «Человеческая деятельность не существует иначе, как в форме действия или цепи действий... Если из деятельности мысленно вычтешь осуществляющие ее действия, то от деятельности вообще ничего не останется» [8, 82].

Таким образом, анализ, предпринятый А.Н. Леонтьевым, позволяет выделить, во-первых, отдельные (особенные) деятельности – по критерию побуждающих их мотивов. Далее выделяются действия-процессы, подчиняющиеся сознательным целям. Наконец, выделяются операции, которые непосредственно зависят от условий достижения конкретной цели. Эти «единицы» человеческой деятельности и образуют ее макроструктуру. Особенность анализа, который приводит к их выделению, состоит

в том, что он пользуется не расчленением живой деятельности на элементы, а раскрывает характеризующие ее внутренние отношения. Это – отношения, за которыми скрываются преобразования, возникающие в ходе развития деятельности, в ее движении. Сами предметы способны приобретать качества побуждений, целей, орудий только в системе человеческой деятельности; изъятые из связей этой системы, они утрачивают свое существование как побуждения, как цели и как орудия.

Выделив в деятельности образующие ее элементы, А.Н. Леонтьев создал предпосылки для решения ряда фундаментальных проблем. Одна из них – проблема единства внешних и внутренних по своей форме процессов деятельности, обусловленных физиологической работой мозга. Предложенный А.Н. Леонтьевым системный анализ человеческой деятельности позволяет преодолеть противопоставление физиологического, психологического и социального, равно как и сведение одного к другому. Выводы А.Н. Леонтьева, определяющие становление теории действия, для представителей культурно-исторической психологии стали существенным аргументом в преодолении сохраняющейся тенденции руководствоваться в исследованиях установками гносеологии, ее пассивно-отражательным направлением. Они помогли преодолеть предубеждение, что познание, чувство, воля, изучаемые независимо друг от друга, утрачивают психологический смысл, поскольку отвечали сформировавшейся исследовательской потребности схватить целое, анализировать психику не по элементам, а по единицам, сохраняющим свойство целого. Таким целым понимается не ассоциация, не гештальт, не реакция или рефлекс, нейрон, но действие, в котором, как утверждал еще Гегель, обнаруживается сущность человека: «Истинное бытие человека есть его действие; в последнем индивидуальность действительна» [5, 260].

Для развития психологии действия как одного из разделов теории деятельности мало признать, что действие представляет собой условие развития психики. На завершающих участках действия есть место элементам памяти и элементам предвидения, которые, в свою очередь, имеют свою перспективу превращения в умственные способности. Другими словами, «элементы» психики зарождаются внутри действия. Н.А. Бернштейн его назвал живым движением, обладающим биодинамической тканью, которая одновременно является и чувственной тканью [2].

Теория действия обогащалась в процессе исследования эстетической прак-

тики, обобщенного в трудах Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина. Так, Г.Г. Шпет, рассматривая свойства сценического действия, отмечал его возможность быть символическим действием, знаком чего-то [15, 19]. Такая характеристика действия созвучна утверждению М.М. Бахтина о возможности человека благодаря действию устанавливать связи с другими внешними предметами, расширять сферы своего влияния. Происходит это потому, что «...душа (душа – эстетически значимое целое внутренней жизни человека – авт.) и все формы эстетического воплощения внутренней жизни (ритм) и формы данного мира, эстетически соотношенного с душой, принципиально не могут быть формами чистого самовыражения, выражения *себя и своего*, но являются формами отношения к *другому и к* его самовыражению» [1, 118]. «Живущий человек внутри себя устанавливается в мире активно, его осознаваемая жизнь в каждый ее момент есть поступление: я поступаю делом, словом, мыслью, чувством; я живу, я становлюсь поступком» [1, 121]. Действующее сознание или сознание в действии – это уплотненное сознание человека собранного, которое «взрывается, разряжается действием, поступком».

Особую значимость для развития современной теории действия имеют труды С.Л. Рубинштейна, в которых «действия» (*Handlung*) названы актом, реакцией, происходящими в мире объектов, содержаниями – всего того, что имеет для человека значение [11, 114]. Выявление и изменение структуры мира, происходящие в связи с практикой, преобразуют структуру и характер действий, а также реальное содержание поведения. Именно в действии преодолевается разрыв человека с миром, происходит установление связи с ним [10].

Таким образом, действие, характеризваемое как единица деятельности, как способ преодоления разрыва человека с миром, познано также и как целостность, поскольку, во-первых, в нем присутствует образ, имеющий внешнюю и внутреннюю формы; во-вторых, построенный образ, рассматриваемый как внешняя форма, содержит в себе в качестве внутренней формы действие и слово с его значением и смыслом; в-третьих, осуществляющееся действие, рассматриваемое как внешняя форма, содержит в себе в качестве внутренней формы образ и действие [6]. В этой характеристике представлена суть действия как живого движения, как онтологически укорененной целостности. Теория

действия, основывающаяся на приведенных положениях, включающая представленные коннотации действия, позволяет преодолеть узкие гносеологические рамки его исследования. В этом качестве она утверждается как парадигма и методологическая основа осмысления условий возможности становления человека как целостного существа в мире наличной культуры.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Автор и герой в художественной деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 7–180.
2. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. – М.: Физкультура и спорт, 1991.
3. Бэкхерст Д. К вопросу об эволюции теории деятельности // Культурно-историческая психология. – 2006. – № 4.
4. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1, № 2. Электронный ресурс: <http://www.sociologica.net/Journal/02tra1.pdf>.
5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. / пер. Г.Г. Шпета. – М.: Академический проект, 2008. – 767 с.
6. Зинченко В.П. Философско-гуманитарные истоки психологии действия // Вопросы философии. – 2014. – № 3. – С. 73–84.
7. Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Ильенков Э.В. Философия и культура. – М., 1991. – С. 229–270.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Академия, 2004. – 352 с.
9. Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность. Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 151–152.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 2001.
11. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб., 2003.
12. Тахтамышев В.Г., Харламова Г.С. Пространство культуры: генезис контента // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2. Часть 8. – С. 1806–1810.
13. Филиппов А.Ф. Социология пространства. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 290 с.
14. Харламова Г.С. Пространство образования: культурологический анализ. – Ростов-на-Дону, 2013. – 146 с.
15. Шпет Г.Г. Театр как искусство // Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. – М.: Росспэн, 2007. – С. 19–39.

References

1. Bahtin M.M. Avtor i geroj v hudozhestvennoj dejatel'nosti // Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorcestva. M.: Iskusstvo, 1979. pp. 7–180.
2. Bernshtejn N.A. O lovkosti i ee razviti. M.: Fizkultura i sport, 1991.
3. Bakhurst D. K voprosu ob jevoljucii teorii dejatel'nosti // Kulturno-istoricheskaja psihologija. 2006. no. 4.
4. Verlen B. Obshhestvo, dejstvie i prostranstvo. Alternativnaja socialnaja geografija // Sociologicheskoe obozrenie. 2001. T. 1, no. 2. Jelektronnyj resurs: <http://www.sociologica.net/Journal/02tra1.pdf>.
5. Gegel G.V.F. Fenomenologija duha. / Per.G. G. Shpeta. M.: Akademicheskij proekt, 2008. 767 p. pp. 260.
6. Zinchenko V.P. Filosofsko-gumanitarnye istoki psihologii dejstvija // Voprosy filosofii. 2014. no. 3. pp. 73–84.
7. Il'enkov Je.V. Dialektika ideal'nogo // Il'enkov Je.V. Filosofija i kultura. M., 1991. pp. 229–270.
8. Leontev A.N. Dejatel'nost. Soznanie. Lichnost. M.: Akademiya, 2004. 352 p.
9. Ogurcov A.P., Judin Je.G. Dejatel'nost. Filosofskaja jenciklopedija. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1983. pp. 151–152.
10. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii. SPb., 2001.
11. Rubinshtejn S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir. SPb., 2003.
12. Takhtamyshev V.G., Kharlamova G.S. Prostranstvo kulture: genezis kontenta // Fundamentalnye issledovaniya. 2015. no. 2. Chast 8. pp. 1806–1810.
13. Filippov A.F. Sociologija prostranstva. SPb.: Vladimir Dal, 2008.
14. Kharlamova G.S. Prostranstvo obrazovanija: kulturologicheskij analiz. Rostov-na-Donu, 2013. 146 p.
15. Shpet G.G. Teatr kak iskusstvo // Shpet G. G. Iskusstvo kak vid znanija. Izbrannye trudy po filosofii kulture. M.: Rosspjen. 2007. pp. 19–39.

Рецензенты:

Жаров Л.В., д.ф.н., к.м.н., профессор, заведующий кафедрой «История и философия», ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный медицинский университет» Минздрава РФ, г. Ростов-на-Дону;

Богданова О.А., д.ф.н., профессор кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет»), г. Ростов-на-Дону.